

УДК 821.512.157-053.5
ББК 84(2Рос=Як)6-44
Ф34

Федотова, Мария.

Ф34 Игра в камешки : [для мл. шк. возраста : 6+] / Мария Федотова ; пер. с якутского Ариадны Борисовой; ил. Ирины Галкиной. — М. : КомпасГид, 2019. — 112 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-540-1

Однажды девочка Нулгынэт увидела совсем маленького человечка и удивилась: почему он низенький такой? «Он просто ребёнок, точь-в-точь как ты!» — засмеялась мама. А откуда малышке знать, что на свете существуют другие дети? На всю округу она единственная — до ближайшего посёлка день пути на санях!

Имя Нулгынэт означает «рождённая во время кочевья», и живёт она в бригаде оленеводов в якутской тундре. Шоколадная конфета или резиновый мячик для неё диковинки из «большого мира», зато она не боится встречи с волками и однажды помогла вылечить раненого орла. Ездить верхом на олене Нулгынэт научилась раньше, чем писать и читать, а её любимые игрушки, разноцветные камни, умеют превращаться хоть в диких зверей, хоть в дома, хоть в сокровища.

Девочка словно героиня мультсериала «Гора самоцветов»: настолько же нереальной кажется она сама, настолько же волшебной — её жизнь. Но хотите верить, хотите нет, а собранные под этой обложкой истории — вовсе не сказки, а воспоминания повзрослевшей Нулгынэт! Её зовут Мария Прокопьевна Федотова, она педагог с большим стажем и популярный на Дальнем Востоке детский писатель, чьи книги выходят на трёх языках: якутском, эвенском и русском.

Книга «Игра в камешки» изначально опубликована на якутском языке, на русский её перевела Ариадна Борисова. За эту повесть автор и переводчик удостоены премии имени Владислава Крапивина в номинации «Малая Родина — Большая Россия». Иллюстрации Ирины Галкиной идеально передают уникальный колорит книги. Для читателей младшего школьного возраста «Игра в камешки» наверняка станет открытием: какой, оказывается, разнообразный наш мир!

УДК 821.512.157-053.5
ББК 84(2Рос=Як)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-540-1

© Федотова М. П., текст, 2019
© ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
оформление, 2019

Мангай умчу

Стоял ясный осенний день. Я играла возле чума*. Рядом мама шила торбаза** — сапоги из оленьих камусов***.

— Когда ты была маленькой, ты говорила разные смешные слова на своём языке, — вспомнила мама. — Например, «мангай умчу».

— А что это такое?

— Если находила ягодку голубики, сама не ела, несла мне. И кричала при этом: «Мангай умчу! Мангай умчу!»

— А-а-а, значит, я голубику так называла!

С маленькой деревянной кружкой я отправилась «мангай-умчулить». Вокруг чума словно голубой дымок

* Чум — переносной дом у кочевых народов Севера: каркас из жердей и покрытие, сшитое из оленьих шкур.

** Торбаза — сапоги с мягкой подошвой.

*** Камус — часть шкуры, снятой с ног животного.

вился по кустам — полным-полно было голубики, крупной, сладкой, с багряной мякотью под тонкой кожицей. Тропинки разбегались в разные стороны, ягодные кусты звали вперёд, и я отходила от чума всё дальше и дальше.

Вдруг позади меня кто-то часто и громко задышал. Я оглянулась: ой, кто это?! Огромная собака со светло-жёлтыми глазами бежала по моим следам. Я испугалась и, приговаривая: «Эй, уходи, чэт, чэт», — припустила по тропинке. Собака угрожающе ощерила длинные острые зубы. Она, видимо, почуяла запах барана-чубуку*. Из его шкуры была пошита моя шубка. Я заверещала и кинула в собаку комком земли. Она тоже испугалась, тихо повернулась и исчезла в кустах кедрового стланика.

Я собрала полную кружку вкусных голубых ягод. Вернувшись домой, угостила всех «мангай умчу» и рассказала о встрече с собакой.

— Такая большая! Чуть не укусила меня!

Брат попросил меня показать место, где я видела собаку. Посмотрев на её следы, он воскликнул:

* Чубукú (чубúк) — местное название снежного барана, обитающего в горах севера Якутии.

— Глупышка! Волка за собаку приняла!

Мама взяла мою шубку и, что-то таинственно шепча, подожгла краешек. Это было так смешно, что я не выдержала и расхохоталась.

На следующий день я снова пошла собирать «мангай умчу». Подражая матери, сделала вид, что тихонько приговариваю себе под нос, взяла спички и тоже подожгла край шубки. От палёной шерсти поднялся неприятный запах. Только после этого я решила отдалиться от чума.

Чтобы отпугнуть волка, я стала делать так каждый день. Но однажды случилось ужасное: огонь вспыхнул, я не успела его затушить, и шубка сгорела дотла. Мама сильно рассердилась и отстегала меня тонким прутиком. Мне было очень обидно, я плакала и кричала:

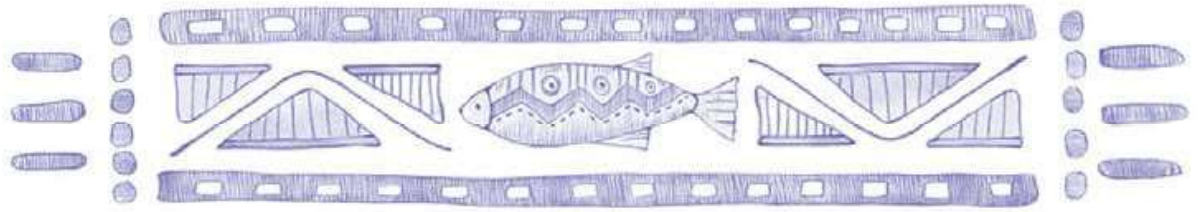
— Я не виновата! Шубка сама загорелась! Если б она не сгорела, я бы её наказала!

Взрослые почему-то рассмеялись.

— Ничего смешного! — рассердилась я вконец.

Вот ведь какие эти взрослые! Я осталась без шубки, мне попало от мамы, а они ещё и потешаются! Вот соберу много «мангай умчу» и ни за что не поделюсь с ними, никогда не поделюсь!

«Мамочка» Омни

Была у нас важенка* по имени Омни. Я не умела доить оленух, как мама, поэтому молоко мне разрешили сосать. Обняв Омни за задние ноги, я на несколько минут превращалась в маленького олешка-тугута. Молоко было вкусное и пахло оленьим мхом ягелем. Родные говорили:

— Омни твоя мамочка!

Потом важенка постарела. Ноги у неё стали больные, она уже не могла ходить под уздечкой. Колени постоянно обдирались. Мама пыталась помочь Омни, но упрямую болезнь не брали никакие лекарства. Важенка теперь не гуляла со стадом, а бродила возле чума. Я жалела «мамочку» и после обеда делилась с ней лепёшкой. Омни быстро съедала свою половину и, заглядывая мне в глаза, снова тыкалась в мою ладонь...

* Вáженка — самка северного оленя.

Как-то раз Омни гуляла на травяном пригорке. Я, как всегда, припасла для неё половинку лепёшки. Иду и вижу: Омни дерётся с большой худющей собакой. Я закричала что было сил, а когда увидела, что бок важенки красный и с него свисают клочья разорванной шерсти, закричала ещё сильнее. Подбежала и кинула в дерущихся горсть мелких камней.

Вдруг послышался выстрел, и я упала от неожиданности. Из-за пригорка вышла мама с ружьём в руках и сказала сердито:

— Что за бессовестный волчище! Уже возле жилья на оленя напал!

Волк отползал в кусты. Мама снова выстрелила, и он перестал шевелиться. Омни, еле переставляя ноги, двинулась к нам. Я радостно бросилась ей навстречу, но мама поймала меня и закрыла рукой мне глаза, шепча в ухо:

— Не смотри, доченька, не смотри...

Я закричала и принялась выдираться из её рук, а мама упорно тащила меня в чум. Лёжа на расстеленных там шкурах, я плакала до тех пор, пока не уснула...

— Омни больше нет с нами, — сказали мне утром.

Я уже знала об этом, но непослушные слёзы тут же закапали.

На улице висела волчья шкура. Я схватила нож и давай её колоть:

— Вот тебе, вот! Из-за тебя не стало Омни!

Немного успокоившись, я долго стояла и молча глядела на пригорок, где только вчера гуляла моя важенка. Потом я часто приходила туда с лепёшкой, делила её надвое. Сначала съедала свою половинку, а после, плача, — половинку «мамочки» Омни...

Привези мне солнышко

К нам в гости пришёл незнакомый человек. Говорок у него оказался быстрый, пересыпанный частым смехом. Человек был толстенький, а смех — круглый, будто камешки с горки катятся. Он даже сидеть не мог спокойно, и мне казалось, что гость вот-вот свалится от хохота. И одежда у него была другая, на нашу непохожая. Непонятно: то ли он нарядный такой, то ли ему больше надеть нечего. Я сидела рядом и украдкой трогала полы его пальто. Мама сердито поглядывала на меня. А гость гладил меня по голове:

— Ах ты вихрастенёккая девчоночка! Ма-ахонёккая! Звать-то как?

— Нулгынэт. А тебя?

— Василий Георгиевич. Скоро снова к вам в гости приеду. Какую игрушку тебе привезти?

Я очень удивилась.

— Камни, что ли? Их и здесь полно, зачем возить.

Гость тоже удивился, спросил у мамы:

— О каких камнях она говорит?

— Девочка играет камешками и других игрушек не знает, — смущённо сказала мама.

— А ведь других игрушек на свете много! — обратился гость ко мне. — Игрушечные машинки ездят, самолётики летают, разные игрушки гудят, звенят и поют! А для таких девчоночек, как ты, есть красивые куклы. Что же тебе привезти?

Я растерялась. Не могла понять, о чём это он. Поэтому выпалила сгоряча:

— Привези мне солнышко!

Гость опять удивился:

— Солнышко?

— Как только замёрзну, повешу его в чуме повыше и стану греться!

Я принялась подыскивать место для солнца. Гость осматривался вместе со мной, думал, куда лучше

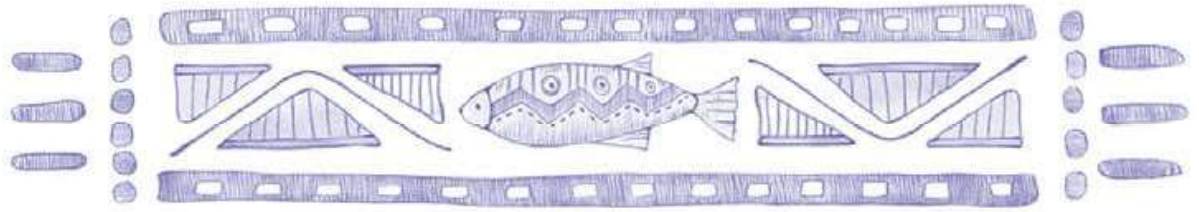
повесить подарок. Хлопнул себя по колену и сказал весело:

— Ну что ж! Привезу тебе солнце!

Мне тоже сразу стало весело.

«Со всеми поделюсь солнышком! — принялась мечтать я. — Пусть в каждом чуме всегда будет светло и тепло!»

Пенка

У нас была собака, белая, как молочная пенка.
— Пенка, а ну дров принеси! — кричал, бывало, из чума брат.

Пенка тут же притаскивала в зубах полешки.

Подражая брату, я командовала собаке:

— Пенка, дров принеси!

Та будто не слышала. Я кричала громче. Пенка «не понимала» и, виляя хвостом, ластилась ко мне. Тогда я присаживалась возле неё, кричала в самое ухо и пыталась затолкать полешко ей в пасть. Обидевшись, она перескакивала через меня. И отбегала в сторону с укоризненным видом.

Пенка была очень умной собакой. Хотя и не слушалась, а от смерти однажды меня спасла.

Летом река вздулась от сильного ливня. Мы с родными переезжали её на оленях, вброд. Вдруг мой олень оступился и упал. Я с головой ушла под воду,

даже крикнуть не успела. Свет перед глазами померк, в ушах стоял звон, в мозгу билась одна мысль: «Сейчас утону... Утону!»

Очнулась — лежу на берегу. Пенка лижет мне лицо. Хочу сесть, а не могу. Живот какой-то надутый, тяжёлый, голова не поднимается. Тут родные подбежали. Брат перевернул меня вниз головой. Сразу полилась вода, как из ливневой тучки. Он потряс меня ещё, взял на закорки и побежал к маме. Она растёрла меня насухо, намазала чем-то тёплым и жирным. Я хорошенько помотала головой, и уши

освободились от водяных пробок. Мама то и дело давила мне на живот. Вода продолжала выливаться из меня толчками до тех пор, пока живот не стал плоский, как прежде.

Утром я проснулась совсем здоровой и увидела, как мама гладит Пенку, а брат отрезает и даёт ей лакомые кусочки мяса.

Потом всё было как раньше. Я кричала собаке в ухо, чтобы она принесла дров, а та делала вид, что не слышит, и укоризненно на меня посматривала...

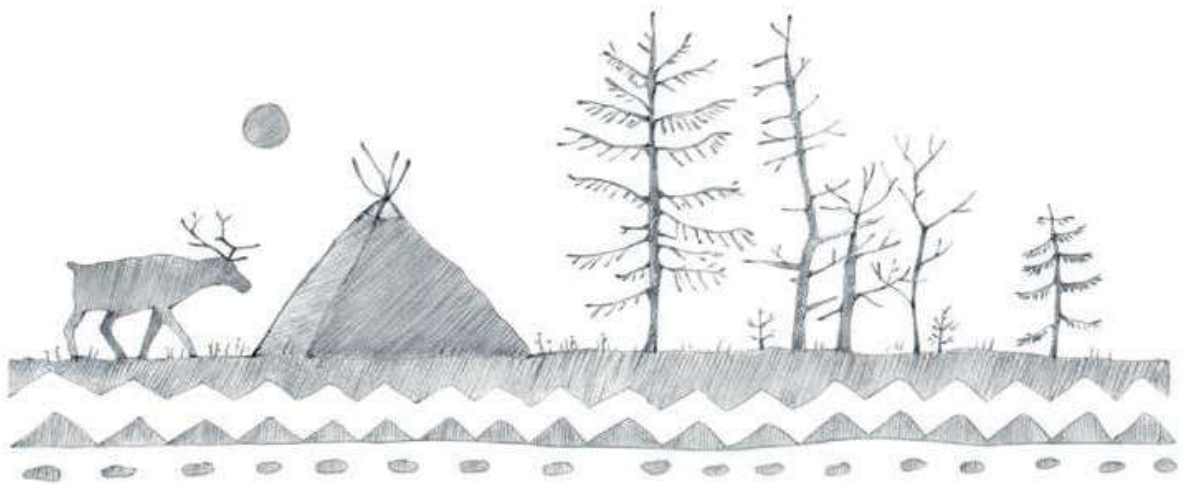
Смерч

Иногда мы оставались в чуме вдвоём с дедом. Он что-то мастерил из железа, а я играла железными обрезками.

Дедушка всегда припасал для меня кусок сахара. Я этот сахар съедала не сразу: пососу немного и бережно прячу в карман. Такого лакомства, как у деда, больше не находилось ни у кого. Когда на меня нападал приступ щедрости, я делилась сахаром с другими. Они радовались и тоже угощали меня кто чем мог.

Спала я на дедушкином узорчатом сундуке. Спать на нём было удобно, совсем не жёстко. Я любила просыпаться и видеть, как дед хлопочет над чайником и готовит завтрак.

В тот раз, как всегда перед завтраком, я пошла погулять. Слышался странный звук, будто кто-то большой неподалёку ломает ветки. Я зашла за пригорок.

Сидела, играла. Называла камешки и палочки разными именами — они для меня были как живые!

Вдруг раздался пронзительный свист ветра и громкий человеческий крик. А потом кто-то сердитый принялся греметь посудой. Порывом ветра мне в лицо бросило землю и мелкие щепки. Из-за пригорка я видела: наш чум летит, как огромная страшная птица, а узорчатый сундук лихо скачет вниз по горе! Деда нигде нет. Наверное, ветром сдуло. Я испугалась и громко заплакала. Вдруг слышу слабый оклик: дедушка подошёл. Одежда на нём кое-где порвана, лицо в ссадинах...

— Какое счастье, что ты, внучка, на улице заигралась! Он и меня-то, человека взрослого, чуть не убил, а детку малую запросто бы с собой унёс!

— Ты о ком? Кто тебя чуть не убил?!

— Смерч. Такого сильного, как сегодня, я и не помню.

Я подумала, что смерч — это человек, и спросила:

— Ты его видел? Он правда сильный?

— Конечно! Вон как наше жилище летело...

«Неужели смерч сильнее деда?» — удивилась я про себя.

— Деда, а что, он тебя на руках подкидывал?

— Нет у него рук. Смерч — не человек, просто очень-очень сильный ветер. Как щепку меня бросал... Как только я жив остался!

— Дедушка, а значит, я тоже не умерла?

— Что ты, что ты! Ещё чего придумала — умирать, такая маленькая! Вот старушкой станешь, тогда и умрёшь!

Дед часто задышал, схватился за грудь.

— Больше не говори так! — попросил он и погладил меня по голове.

— Деда, а ты старик?

— Старик.

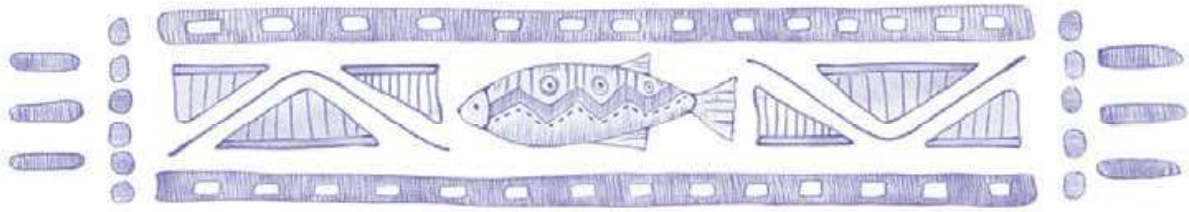
— А когда-то был старушкой?

— Был, был, внучка, — рассеянно отвечал он, подбирая уцелевшую посуду. — Пойдём чум ставить.

Я собирала разбросанную повсюду утварь и думала: «Вот и я когда-нибудь стану стариком...»

К приходу родных мы уже всё привели в порядок. Словно и не бывало никакого смерча.

Белый оленёнок

Брат принёс крохотного оленёнка — тугута. Шёрстка у него была мягкая, блестящая. Белая, как только что выпавший снежок. Даже среди белых оленят я таких белоснежных не видела. Он мне сразу понравился.

— Недоносок, не сегодня, так завтра помрёт. Шкурку снимешь, — сказал брат маме и поспешил обратно к стаду.

Я погладила тугута. Сердце больно сжалось от слов брата, в голове зазвенели жалобные колокольцы: «Умрёт, умрёт...»

— Спи, не бойся, — шепнула я оленёнку. — Если будешь много спать, скорее вырастешь.

А он даже глазки не открыл.

Тут подошла мама с ножом.

— Мамочка, не убивай его, прошу тебя! — закричала я и прикрыла собой малыша.

— Он всё равно умрёт, дочка. Недоношенный...

— Не умрёт! — расплакалась я. — Выкормлю...

Оленёнок еле дышал. Я хотела покормить его, но он и рта не мог раскрыть. Да ещё, оказывается, передние ножки у него были крепко сжаты — даже стоять не получалось. В крошечной грудке не хватало места для дыхания...

Я плакала об оленёнке. Ему становилось всё хуже. Две ночи подряд засыпала я в траве рядом с белым тугутом. А просыпалась в чуме, даже не помня, как меня туда принесли.

Утром я бежала к оленёнку. Он лежал, как расстеленная шкурка. Из боязни, что собаки могут растерзать моего любимца, я держала их на привязи.

— Не мучай бедняжку и сама не мучайся, — уговаривала меня мама.

— Не дам убить! — горячо возражала я.

Наступила третья ночь. Я боялась, что, когда усну, оленёнка убьют, и старалась не спать. Ему было трудно дышать. Я не знала, чем помочь, и только плакала. Наконец в отчаянии разбудила маму. Она прижала меня к себе:

— Ничего не поделаешь...

Умер мой белый оленёнок.

Мама завернула меня, обессиленную от слёз, в одеяло, уложила рядом с собой. А утром тугута